

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желанья не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

ЧАСОВОЙ
МЕХАНИЗМ
ЛЮБВИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*

Полянская, Алла.
П54 Часовой механизм любви / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-099534-9

Инна сразу поняла: ее нового начальника хотят убить. Та машина явно поджидала его и стартанула, едва он шагнул с тротуара! К счастью, у Инны была хорошая реакция — она успела оттолкнуть Егора. И неважно, что он ей не поверил — все до поры до времени думают, будто у них нет врагов... Вскоре после этого Инна снова спасла Егора — на этот раз на корпоративной вечеринке, когда на нем буквально повисла Маша Данилова из отдела логистики. Избавив директора от девушки, одержимой идеей найти богатого мужа, Инна предложила подвезти Егора. Но уехали они недалеко: прямо перед капотом их машины упало тело. Это была Маша, совсем недавно намекавшая Егору, что его предшественник погиб при весьма странных обстоятельствах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Copyright © PR-Prime
Company, 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099534-9

Лучше быть жестоким, когда в сердце живет зло, чем ненасилием прикрывать бессилие.

Махатма Ганди

Быстрые шаги за дверью, тихие голоса, грохот металлической каталки, звяканье инструментов — все где-то там, за дверью, обычный больничный шум. Инна уже привыкла к этим звукам, как и к запаху больницы. И хотя палата, в которой она сейчас находится, оборудована с претензией на уют, больница есть больница.

— Я хочу знать, какие у нас перспективы.

Молодой врач вздохнул, и, стараясь не смотреть ей в глаза, принялся рассказывать о нервных окончаниях и прочей лабуде, но Инна хотела услышать совсем не это. Ей нужна конкретика, а не пространная научная муть, в которой она не смыслит ни аза.

— Док, вы мне по-людски можете объяснить, станет ли она когда-нибудь прежней?

— Дело в том, что я не знаю. — Доктор наконец посмотрел ей в глаза. — Наркотик нарушил некоторые связи в ее мозге, и я не могу сказать, восстановятся они или нет. Девушка долгое время жила в состоянии сильного стресса, и, возможно, она просто не хочет оттуда возвращаться.

— Откуда?

— Инна, она где-то там, внутри своего тела. И она не желает возвращаться. Кто знает, сколько времени пройдет, когда она захочет, и случится ли это вообще.

— Я бы точно не хотела, паршивое место — наш мир. — Инна старалась говорить спокойно. — Ладно, я побуду с ней немного.

— Конечно. Может, она отреагирует на ваш голос.

Инна села у кровати и посмотрела на Верочку. Бледное личико и взгляд глаз цвета неразбавленного виски, осененных длинными ресницами, — такой далекий и пустой. Инна взяла расческу и, осторожно разбирая пряди, причесала лежащую.

— Солнышко, ты должна вернуться. — Инна гладила бледные щеки Веры. — Слышишь, птичка моя, вернись ко мне, я очень соскучилась. У нас дома теперь живет очень необычный кот... помнишь, ты всегда хотела кота, а я была против, потому что это большая ответственность... ну а теперь он есть, и ты должна его обязательно увидеть. Где ты прячешься, малыш? Ты нужна мне, возвращайся, слышишь?

Аппараты, подсоединенные к телу девушки, равнодушно попискивали. Инна в отчаянии сжала ее пальцы — неужели доктор прав и сущность Веры блуждает где-то внутри ее самой и не хочет возвращаться?

— Послушай меня, детка. — Инна взяла в руки слабую ладошку с тонкими пальчиками. — Они за это заплатят. Я обещаю — они заплатят за все. Даже не сомневайся. А когда я тебе расскажу, как это было, ты вернешься ко мне.

Инна понимает, что ей пора уходить, но уйти вот так, не переговорив снова с врачом, она не может. Хотя ничего нового он ей не скажет, это понятно.

— Док, как вы думаете, мозг ее функционирует?

— Я вам уже говорил. — Врач поправил очки и прошелся по кабинету. — Она самостоятельно дышит, но не реагирует на внешние раздражители. Томограмма показала, что мозг не поврежден, и все

тесты указывают, что мозговая активность есть. Но процессы торможения, вызванные наркотиком, не дают ей вернуться. Так что это все вопрос времени, понимаете?

— Да.

— Послушайте, я знаю, как вам тяжело.

— Нет, не знаете!

— И тем не менее. У меня есть дочь, и я... мне подумать страшно, что вы сейчас чувствуете. Но вы никак ей не поможете, даже если перережете мне глотку за то, что мои ответы — не совсем то, что вы хотите услышать, я не люблю вселять в людей ложные надежды. Но, как врач и как человек, я надеюсь на лучшее, надейтесь и вы. Все равно ничего другого нам больше не остается.

Инна понимает, что зря наехала на врача, но ей нужно выплеснуть на кого-то бессильную злость, и он просто попался под руку, он это тоже понимает, и от его понимания ей становится еще хуже. Но доктор — все, что у нее есть, чтобы надежда не угасла.

— Послушайте. — Он дотронулся до ее плеча. — Мы делаем все возможное, и рано или поздно она среагирует на терапию. Я просто не могу сказать когда.

Инна кивнула. Конечно, нужно время. Ключевое слово — время, и у кого-то оно закончилось.

1

Ангел качнулся над дверью лифта и угрожающе махнул позолоченным тромбоном. Егор поморщился — праздничная мишура, призванная, по замыслу украшателей, создавать хорошее настроение, вызывала у него глухое раздражение и подспудный протест. Он не признавал этого праздничного сумасшествия, не разделял щенячьей радости оттого, что подошла некая дата, которую принято отмечать скопом — обмениваться сувенирами, место которым на помойке, устраивать корпоративные посиделки, на которых сотрудницы, плюнув на дресскод, будут отсвечивать сиськами разной степени эстетичности и скучными ногами, а офисные мачо будут пить водку и трескать салат оливье так, словно ничего вкуснее в жизни не пробовали. И кто-то обязательно нарежется до синих слоников и примется чудить. А на следующий день все будут доедать подсохшие бутерброды и, тихо смеясь, вспоминать прошлый вечер.

Нет в этом ни смысла, ни практической пользы.

Егор вошел в лифт, на ходу расстегивая пальто. В кабине пахло духами, причем не какими-то определенными, а смесью разных — видимо, недавно ехали женщины. Егор чихнул и раздраженно хмыкнул — женщины вообще стадные существа. Выйдя из лифта, он пересек коридор и вошел в

большой холл, где располагался офис. Его кабинет находился на двенадцатом этаже в конце коридора, и, чтобы попасть туда, ему приходилось подниматься по лестнице и проходить сквозь строй любопытных женских взглядов. Как-то так получилось, что в фирме большая часть сотрудников — именно женщины. Егор вошел в приемную — там было пусто, сумка секретарши стояла на тумбочке у стола, значит, она уже пришла. Егор мельком взглянул на подоконник — так и есть, большой зеленой лейки на подоконнике не видно — видимо, Наталья вышла, чтобы набрать воды. Зачем-то ей понадобилось заводить в приемной и у него в кабинете уйму цветов, за которыми она трогательно ухаживает. Воду для полива она специально отстаивает в баке, который стоит под лестницей, ведущей на второй этаж. Егор никогда не мешал ей в этом, хочет — пусть развлекается, каждому свое.

Сняв пальто, он определил его в шкаф и мельком заглянул в зеркало — гладко выбритый подбородок, светлые глаза, короткий прямой нос. Ничем не примечательное лицо, так он всегда считал. Егор провел ладонью по коротко стриженным волосам, светлым, почти белым. Как только они хоть немного отрастают, начинают торчать во все стороны, словно иглы у дикобраза, а потому он вынужден следить за прической с особой тщательностью. Раз в две недели парикмахер стрижет его, и Егор тратит на эту процедуру почти час своего времени.

В приемной мельтешила секретарша — притащила лейку и поливала цветы. Егор знал, что сейчас на рабочих местах сотрудники включают компьютеры, дамы красят губы, кто-то включает чайник для утреннего чаепития. Так было вчера, и позавчера, и завтра будет точно так же. И ни в чем нет смысла.

— Матрица какая-то... — Егор открыл свою почту. — Наташа, кофе принеси, пожалуйста.

— Сейчас, Егор Алексеевич. — Голос секретарши совсем не вяжется с ее внешностью. Она невысокая, субтильная, а голос у нее глубокий, грудной, словно не говорит она, а песню поет. — Вам печенья принести?

— Давай и печенья, чего там.

За те два месяца, что он здесь работает, Егор уже почти привык к своему кабинету, похожему на уголок ботанического сада, и к Наталье, оценив ее пунктуальность и аккуратность. Эта работа была именно тем, что он хорошо знал и умел делать, просто раньше в его жизни был совсем другой город, другое место, другие люди. И он отчасти скучал по своей старой жизни, где все было давно и прочно налажено, но вернуть ее уже не мог. Не хотелось возвращать, чтобы не вспоминать то, что он приказал себе забыть. Он все так же плохо спал, это осталось неизменным — снотворное прочно поселилось в его шкафчике в ванной, и переезд ничего не изменил.

— Ваш кофе, Егор Алексеевич.

Наталья поставила перед ним небольшой поднос с белой керамической чашкой и таким же белым кофейником, полным отличного кофе. На тарелочке горка печенья, оно явно домашнее.

— Печенье сама пекла?

— Ага. — Наталья поправила салфетки. — Своим мальчишкам сегодня утром затеялась, они у меня любят свежее печенье, и как-то много получилось, решила на работу взять, вас угостить. Кушайте, Егор Алексеевич.

Прежняя его секретарша ничего не пекла. Она забывала отправить почту, путала документы, гру-

била посетителям, но изгнать ее не было никакой возможности, потому что за ее спиной стояла его мать, которой наглая девица приходилась не то троюродной племянницей, не то другой седьмой водой на киселе, но... да какая разница. Все в прошлом.

— Егор Алексеевич, там девчонки спрашивают насчет завтрашнего мероприятия.

Егор вздохнул. На прежней работе все было совсем по-другому. Заказывался ресторан, нанимали массовика и музыку, и «мероприятие» гудело самостоятельно, можно было незаметно слинять оттуда и поехать кататься по городу. Он любил Питер — он там вырос, помнил его улицы столько, сколько помнил себя, и сейчас очень скучал именно по городу, а не по людям.

Здесь все не так. Фирма занимает помещения на двух последних этажах в офисном здании, построенном не так давно, и здесь есть зал для таких «мероприятий». В обычное время там демонстрируют товар, но когда назревает праздник, витрины и полки выносят, ставят столики и отрываются всем коллективом.

Так, по крайней мере, объяснила секретарша. Сам он пока не присутствовал на этих посиделках — не было случая, но 8 Марта для многих офисных сидельцев — святое дело, чтобы поддержать дух корпоративного единства.

— А что там с празднованием?

— Завтра надо бы в обед поехать докупить продуктов и напитки забрать, мы уже деньги перечислили, Андрей согласился на машине их подвезти, и...

— Ну, пусть. Наташ, не вмешивайте меня в эту возню. Надо как-то организовать — организовывайтесь, меня это не касается. Позови Ираиду Андреевну, пусть принесет расчеты по новому проекту, она

знает. И скажи юристам, что я хочу видеть договор с «Омегой».

— Хорошо, Егор Алексеевич.

Наталья выскользнула из кабинета, оставив его наедине с кофейником. Он налил себе еще кофе и откусил печенье. Оно оказалось сладким, хрустящим и таким вкусным, что Егор мигом расправился с ним, посетовав, что маловато. Без кофе он не мог функционировать — ночи оставляли у него ощущение тяжелого забытья, снотворное уже не помогало, днем без кофе он просто засыпал. Однажды он решил обмануть себя и прилег днем в надежде, что сонливость, одолевающая его, возьмет свое, и он поспит, но не тут-то было! Пока сидел за столом, клевал носом, но стоило прилечь — сна как не бывало. Егор уже перестал бороться с этим, просто всякий раз, глотая снотворное, вздыхал — поможет на пару часов, а потом снова он будет ворочаться в полусне, придавленный душной темнотой.

Он не любил темноту.

Дел сегодня предстояло много, Егор покосился на кипу бумаг, принесенных Натальей, и подумал, что нужно обязательно успеть до вечера закончить все дела. Завтра день насмарку, коллектив исступленно празднует 8 Марта, неотвратимо наступающее тяжелыми шагами: подарки сотрудницам и «мероприятие», будь оно неладно. Все бы ничего, но ему предстоит произнести речь, а он этого не любил никогда. Еще и коллектив, привыкнуть к которому он так и не смог, да и не хотел. Его напрягало их любопытство, возня, какие-то подводные течения, которые он иногда чувствовал, но вникать не собирался. Он всегда был убежден, что на работе надо работать, а не дружбу дружить, но так никогда не получалось, и его это раздражало.

— Егор Алексеевич, вызывали?

Главный бухгалтер Ираида Андреевна, полная дама с аккуратной рыжеватой стрижкой, проскользнула в кабинет и уютно расположилась в кресле напротив его стола. Егор никогда не любил толстых теток, считая, что процент жира в организме вполне под силу контролировать любому мыслящему индивиду, но Ираида Андреевна его не раздражала. Она была похожа на учительницу младших классов — аккуратно и со вкусом одета, умело подкрашена, у нее ухоженные руки и улыбчивые карие глаза, небольшие и внимательные. В свои пятьдесят восемь лет она могла дать фору любой молоденькой карьеристке, и менять ее на длинноногую девицу, переполненную знаниями о корпоративной культуре, которых у нее в голове гораздо больше, чем собственно профессиональных знаний, Егор не собирался. Он вообще не понимал, к чему возня вокруг возраста или внешности сотрудников. Как говорится, вам шашечки или ехать? Если человек выполняет свою работу удовлетворительно, нет смысла менять его на том лишь основании, что есть кандидат просто моложе.

— Егор Алексеевич, расчеты я сделала, решение принимать вам. — Ираида Андреевна положила принесенную папку с файлами ему на стол. — Таблицы перебрала в вашу папку на сервере, посмотрите. Цифры неплохие получились.

— Хорошо. — Егор покосился на гору бумаг в лотке. — Давайте обсудим основные показатели, и я сегодня приму решение.

Ему нравилось то, что он делал. Весь мир представлялся ему гигантским рынком, на котором туда-сюда курсируют контейнеры с товаром и потоки денег. И это движение подчиняется логичным

и строгим законам, где нет места сантиментам и прочим неуставным отношениям. Что-то в корпоративной этике, безусловно, есть — она как раз и направлена на то, чтобы люди на работе не заводили никаких личных отношений, которые только мешают выполнению профессиональных функций.

— Егор Алексеевич, к вам юрист.

Наталья взглянула на поднос с кофейником, и Егор кивнул — можно забирать. У них с Натальей сложилась своя сигнальная система, она очень быстро поняла, что от нее требуется как можно реже напрягать его бытовыми вопросами.

— Пусть войдет.

Он надеялся, что придет Федор, молодой и очень умный парень, с ним ему было спокойно и просто. Но в кабинет вошла Инна Шатохина, высокая полноватая шатенка с мягкими манерами сытой пантеры и непроницаемым взглядом золотисто-карих глаз на абсолютно белом лице. Кожа у нее была настолько белая, что казалась искусственной. Егор внутренне поежился — Шатохина его напрягала, он и сам не понимал чем, но в ее присутствии он терялся и чувствовал себя как провинившийся школьник перед завучем, хотя Инна была моложе его.

— Я изучила присланный договор. — Она смотрела на него ничего не выражающим взглядом. — Я отметила спорные моменты, там есть несколько пунктов, которые нам никак не годятся, и если мы будем составлять протокол разногласий, нужно сейчас их обсудить.

Егор молча взял аккуратно помеченный заметками текст договора. Они были толковыми и, как всегда, написаны на полях четким почерком Шатохиной. Они напоминали Егору о том, что эта неприятная дама умна и умеет добиваться своего. Он уже

знал, что все черновики, помеченные таким образом, она хранит у себя в сейфе. Как-то раз ему случилось поспорить с ней насчет ранее подписанного ими договора, и Шатохина в два счета доказала ему, что это он зевнул, отклонив ее предложение — просто принесла такой вот черновик, который не хранил бы ни один нормальный человек. А Инна сохранила, и Егор убедился: да, он сам перечеркнул предложенный ею пункт, и вышло так, как она и предупреждала. С тех пор Егор очень осторожно относился к Шатохиной, думая о том, что корпоративная этика, конечно, требует держать на работе эту стервозную бабу, потому что она в своем деле собаку съела, но он бы с огромным удовольствием избавился от нее, если бы позволил дать волю своим эмоциям.

— Хорошо. Оставьте мне это, я почитаю и подумаю. Инна Кирилловна, скажите Федору, пусть зайдет ко мне.

— Прямо сейчас?

— Да, пусть сейчас зайдет.

Корпоративная этика, конечно, вещь хорошая, но не нравится ему эта баба, хоть убей. Что-то есть в ней такое, что заставляет его чувствовать себя при Шатохиной неуверенно. И если появится возможность избавиться от нее, он это сделает.

Шатохина пошла к двери, и он с неудовольствием посмотрел ей вслед — сколько ей, тридцать пять? А корму отрастила, как у парусного линкора. И сиськи размера третьего, а то и больше. Ноги, конечно, приличные, но подумать даже страшно, кто к этой фурии вообще способен приблизиться. И если сейчас Федор с ним согласится, то он заменит Шатохину — просто переведет ее в филиал, может, даже с